

УДК 398(=511.131)

Т. Г. Миннихметова

**ОГОНЬ
В НОРМАТИВНО-ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ
УДМУРТОВ**

Огонь – один из важнейших элементов ритуальной культуры удмуртов, ключевой, смыслообразующий концепт ряда семейно-родовых, календарно-религиозных и окказиональных обрядов. Правила обращения с огнем и ритуального использования огня составляют особую отрасль правовых обычаев, связанных с отношением к природным стихиям (как и к воде, земле, воздуху-ветру). Сопричастность людей огненной стихии в течение ее ритуального функционирования – разжиганию (рождению), поддержанию (жизни), угасанию/тушению (умиранию) – лежит в основе описанных в статье удмуртских традиционных обрядов, представлений и предписаний.

Ключевые слова: огонь, костер, очаг, обряд, отношение к огню, правила обращения с огнем.

*Ты гори, невидимое пламя.
(Ольга Седакова)*

Традиционные образцы взаимопомощи и сплоченности нередко проявляются в обычаях, обрядах или жизненных ситуациях, связанных с символикой определенного природного или социального феномена. Важность и специфика этого явления способствует выработке особых способов отношения к нему, которые в дальнейшем превращаются в свод неписанных установок и правил. Проявляющиеся в повседневной жизни и в исключительных обстоятельствах подобного рода установления и предписания характерны и для удмуртской этнокультурной среды. В виде этноюридической системной целостности – *сям* – эти нормы подробно анализируются в диссертационном исследовании Ю. В. Александрова [1].

В контексте традиционных представлений и нормативной практики мы рассмотрим такие обряды и обычаи удмуртов, которые предполагают использование огня или посвящены огню; заключают в себе особое отношение к огню или особенное обращение с ним. В сравнительном аспекте будут проанализированы жизненные ситуации и происшествия, в которых огонь играет определяющую

роль и требует от людей выполнения соответствующих ритуальных либо ритуализированных действий. Будут прослежены также сопровождающие эти ситуации алгоритмы поведения и поступков, сопутствующие предписания, ограничения, запреты, разрешения, поверья, вербальные выражения и формулы.

Представления удмуртов об огне имеют множество параллелей с понятиями и воззрениями соседних финно-угорских и восточнославянских народов. Исследователи связывают происхождение этих воззрений с древними языческими традициями. Как и у многих народов, огонь – это одна из важнейших составляющих большинства удмуртских обрядов, семейных, календарных или окказиональных. В некоторых ритуальных комплексах без огня теряет смысл само обрядовое действие, поскольку оно либо посвящено огню, либо огонь выступает в нем базисной доминантой. Довольно распространено подчиненное использование огня, когда он необходим для приготовления ритуальной пищи, отапливания и освещения пространства, нагревания необходимых при выполнении обряда предметов. Но зачастую огонь зажигается специально: например, для обрядового очищения места, предметов и участников действия, для охранения их от вредоносных сил, для уничтожения или изменения статуса некоторых обрядовых объектов, установления коммуникации со сверхъестественными силами или ее прекращения, для загадывания будущего. В некоторых ситуациях прибегают к производным огня (уголь, зола, пепел); считая, что и они обладают подобными качествами [8. С. 176]. Для каждого случая использования огня предусмотрены свои способы обращения с ним. Эти нормы поведения вырабатывались постепенно, отчасти под влиянием других культур: следы почитания огня и поклонения огню прослеживаются в материалах многих древних археологических памятников.

В удмуртском языке слово «огонь» – *тыл* имеет общее финно-угорское происхождение. Среди производных от него в языке многие слова непосредственно связаны с обрядовыми действиями или допустимы лишь в обрядовой ситуации; некоторые из них будут рассмотрены ниже.

Вероятно, наиболее древним видом обрядового огня является костер – *тылжэу*; такой его вид представляется самым распространенным и сохраняется до сих пор. При проведении многих календарных и семейных обрядов разжигают огонь в месте, которое имеет свое название – *тылдйськонтй / тылдйськон инты* (диал.). В обыденное время на этом кострище не принято совершать какие-либо действия, «тревожить» его. Этим же термином обозначается очаг, что позволяет предположить их изоморфный характер. Связь огня с очагом общеизвестна, и сакральное свойство последнего связано с культом огня, что подкрепляется почтительным отношением к огню и очагу в любых ситуациях.

В традиционном удмуртском хозяйстве, как правило, было три очага: в доме, святилище *куала* и в бане. Новый дом считался пригодным для жилья лишь после того, как в нем была сложена и подготовлена к эксплуатации печь [6. С. 87; 9. С. 28–44]. Самое первое ритуальное действие после вселения в новое жилище – растапливание печи с приуроченными заклинаниями. При сооружении нового святилища *куала* или при переезде на новое место вместе с камнями очага старого святилища перевозили и золу из него. При вступлении в святилище разведение огня в его очаге было одним из неперемных условий. Вновь построенная баня

также воспринималась готовой к использованию только после укладки в ней каменки; первая ее топка сопровождалась заклинаниями.

Печь в доме обладает множеством бытовых функций. У удмуртов существовали представления о печи как жертвеннике: с этим связан обряд сжигания в ней костей черного барана, приносимого в жертву в подполье во время жертвоприношения *гулбеч така* [6. С. 87]. Также при поминально-умиловительных обрядах к устью печи ставят предназначенную усопшим чашу, в которую участники трапезы крошат поминальную еду и сливают напитки [5. С. 33]. В некоторых локальных традициях прошлого к подобной чаше прикрепляли восковые свечи соответственно числу умерших. По тому, как горят свечи, определяли самочувствие усопших: ровное, бесшумное горение свидетельствовало, что у них все в порядке; если свечи коптят, значит, умершие чем-то недовольны [12]. Последние примеры указывают и на то, что очаг в доме посредством дымовой трубы выступает также связующим звеном между мирами живых и умерших. При слабом здоровье новорожденных или перемене имени больному ребенку (обряд *ним воштон* – считалось, что так можно поправить его здоровье) обращались за помощью к предкам. Для этого перед роженицей зажигали спичку в печи и с ней в руке через печную трубу призывали всех умерших родственников или вызывали душу ребенка.

Почитание огня и – соответственно – очага непосредственно связано с культом родовой организации *воршуд*. По всей видимости, очаг – это некое воплощение родового культа. Возвращаясь домой, издалека или даже от соседей, в первую очередь, касаются рукой печи; те же действия проделывают прибывшие в гости родственники. Наряду с почитанием домашнего очага, этот обычай одновременно связан с очистительными и защитными свойствами огня, соответственно – и печи-очага. К устью печи подносят и трижды поднимают новорожденных детей (или приплод скота). В прошлом рожали в бане и с появлением на свет ребенка тут же поднимали его перед каменкой бани. Для предохранения новорожденного от злых сил темечко ему мазали печной сажей. Очаг может защищать домочадцев в различных ситуациях: если рассказывали сон вечером или в разговорах упоминали потусторонние силы, то в первую очередь объявляли, что рассказ адресован очагу – *гурлы / муръёлы верасько* (печи / печной трубе говорю / рассказываю).

Почитание огня и очага прослеживается также в следующем обычае: до сего времени удмурты боготворят место, где когда-то стояла семейная или родовая культовая постройка, от которой сохранились только камни очага. Как и в старину, возле очага продолжают совершать обряды, ритуально обращенные к самому святилищу.

Особый статус очага требовал специального отношения к нему. Так, было не принято оставлять печь пустой. Этому правилу следуют и в настоящее время. Обычно в нее кладут хотя бы пару поленьев: считается, что иначе в очаг вселятся злые духи. Такое правило, скорее всего, возникало из необходимости в прошлом постоянно поддерживать огонь в очаге. Со временем такая необходимость исчезла, и теперь, как отголосок тех воззрений, оставленные в печи поленья символизируют поддерживаемый огонь или – связь между тем потухшим огнем

и вновь зажигаемым. Именно эти поленья использовались для розжига нового пламени.

Огонь совершенен, поэтому не принято его ни хвалить, ни хулить, ни характеризовать как плохой или хороший. Обращаться с ним, как выше отмечено, следует почтительно: нельзя небрежно кидать дрова в огонь, их нужно класть аккуратно; запрещалось бросать в огонь мусор, отходы и нечистоты. Обогревшись теплом чужого огня, принято было поблагодарить его хозяев. Находясь возле костра, нельзя прикуривать от спички, а только от огня костра, причем использованный уголек или горящий сук следует класть обратно в костер. Так же следовало поступать и при наличии живого огня в печи. Распространено было еще одно правило: если в печи горит огонь и в этот момент заходит посторонний человек, то ему не следует уходить до тех пор, пока не догорит огонь в печи. По всей вероятности, подобные нормы диктовало опасение, что дух огня покинет очаг и уйдет с чужим человеком. Все сказанное подтверждает почтительное отношение к огню, очагу и стремление оберечь их от нежелательного влияния.

Заметное место в обрядовой жизни удмуртов занимает баня. Кузебай Герд одним из первых среди удмуртских исследователей обратил внимание на ее сакральную роль и символические особенности, включая функцию ритуального очищения [3. С. 43, 61–62]. Вместе с тем изначальное гигиеническое предназначение бани остается основным до сих пор. Баню топили перед каждым обрядом. До растопки при разжигании огня произносилась специальная словесная формула, содержащая цель и намерения участников предстоящего ритуального действия. До его свершения все без исключения должны были помыться в бане, чтобы чистыми предстать перед богами и духами. Баню могли затопить и по завершении ритуала, например после обряда погребения. Навстречу возвращавшимся с кладбища сначала в очистительных целях кидали пепел, или же они сами протирали руки золой. Следующим этапом было мытье в бане, и лишь после этого они могли войти в дом и приступить к поминальной трапезе. Теплая баня и ее каменка играли весьма заметную роль и при проведении других обрядов.

Особую роль играет огонь в календарной обрядности. Значимость его проявляется уже в том, что традиционно у закамских удмуртов перед языческим Новым годом (по народному календарю раньше проводившимся на пасхальной неделе в пятницу, а теперь – в воскресенье – *Быдзынал*), во всех домах гасится огонь, и Новый год начинается с получения нового огня. Рано утром, в четверг, накануне праздника, мужчины идут к полевым воротам добывать *виль тыл / тыпу тыл* (букв.: новый или дубовый огонь – по материалу, из которого сделаны ворота). Новый огонь приносят в каждый дом и затапливают печь. Тем же огнем разжигают солому во дворе и, очищаясь от болезней и нечисти, прыгают через костер – обычай называют *тыл вылтий тэтчан*. Дымом от нового огня с очистительной и охранной целью окуривают помещения и новорожденных животных.

В течение всего года при проведении различных обрядов огонь и его производные используются с магической целью. Распространены бытующие в народе обычаи: класть угольки *от сглаза* на ритуальную пищу во время обрядового поедания молозива, или обводить углем стол перед его накрытием при совершении ритуала, или сжигать солому с целью очищения места перед жертвоприношением.

Очевидно, в представлениях удмуртов огонь выступает также посредником между людьми и богами. При проведении всех обрядов с жертвоприношениями разжигают костер и в обрядовый огонь бросают часть адресованной богам жертвенной пищи (*тыласькон*).

В обрядах годового цикла принято некоторые объекты уничтожать в огне. На общественных молениях в жертву обычно приносят животных и птиц. «Закалывающий жертву вытирает свои испачканные кровью руки об тряпку, которую по завершении моления сжигают на костре» [11]; там же сжигают «пух, перья, внутренности» [10. С. 115], а после поедания ритуального мяса – и кости жертвенных животных.

Символика календарной обрядности на многих примерах свидетельствует, что «во время молений очаг или кострище считается центром ритуального пространства» [7. С. 112]. Не случайно в таких ситуациях у жрецов был помощник, который нес ответственность за разведение и поддержание огня в костре – *тылась*. По состоянию обрядового огня принято было гадать о будущем, и в течение всего обряда огонь следовало поддерживать; «завершая же обряд, жрецы сгребали пепел к центру кострища – *тылжэу*, обходя его три раза по солнцу; этим самым развернутое ритуальное пространство снова оказывалось сведенным к единой изначальной точке» [4. С. 107].

В случае эпизоотий удмурты совершали обряд «искоренения болезней» посредством огня: вдоль полевых ворот раскидывали солому, поджигали ее и через огонь и дым прогоняли скот. Затем там же выкапывали яму, клали туда солому и забитого щенка и тут же все это сжигали и закапывали [2. С. 2].

Огонь не всегда обладает только положительными характеристиками. Он может представлять опасность и угрозу. При всех молениях удмурты обращались к богам и духам с просьбой о защите от бедствий, исходящих от огня. Чтобы уберечься от пожара (*тылпу*), на чердак к печной трубе клали насиженное яйцо без зародыша. Во время пожара очерчивали подобным яйцом магический круг, чтоб локализовать, замкнуть огонь. Пожар от молнии тушили, выплескивая молоко от черной коровы в очаг пожара. Для предотвращения удара молнии во время грозы клали смазанный маслом топор на землю посреди двора. Считалось, что некоторые люди обладают магическим языком огня, к их помощи обращались при несчастных случаях, причиной которых стал огонь.

Несмотря на столь значимую роль огня в обрядовой культуре удмуртов, человек каждый раз оказывался причастным к окончанию его ритуального действия: при завершении любого обряда совершается обрядовое тушение огня. Особенно показателен уже упомянутый обряд добывания нового огня перед Пасхой, которому предшествует гашение старого, прошлогоднего. Во многих молитвенных обращениях присутствует формула, связанная с огнем – «*тулпуосылдлэсь утьы / сакла*» – «предостереги / сохрани от (твоего) огня», что подчеркивает сверхъестественную природу огня. Следовательно, огонь в повседневной и ритуальной жизни человека – освященное божественными силами, но непостоянное, ограниченное временными рамками явление. В то же время присутствие огня придает особый статус обыденному хронотопу, сакрализует и ритуально структурирует пространственно-временные границы обрядового действия.

Приведенные примеры демонстрируют, что огонь, очаг и производные огня занимают весьма заметное место в повседневной жизни и нормативно-обрядовой практике удмуртов, показывают и объясняют амбивалентность природы и семантики огня в этнокультурном пространстве. Несмотря на существенные изменения в жизни народа, эти феномены и сегодня сохраняют исключительное положение в обращении с ними и по отношению к ним, обладают особой сакральной насыщенностью, востребованностью и актуальностью в традиционных и современных обрядовых циклах. Еще одно качество огня раскрывает следующее удмуртское выражение: *тыл дун*, что значит «очень дорогой, недоступный по цене» (букв.: «цена огня»). Хотя часто ли в обыденной жизни нам приходится задумываться над тем, насколько ценен огонь?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов: (XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т., 1998. 238 с.
2. Антиев Г. А. Из религиозных обычаев вотяков Уфимской губернии, Бирского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. IX. Вып. 3. Казань, 1891. С. 1–2.
3. Герд К. Человек и его рождение у восточных финнов // *Memoires de la Societe Finno-Ougrienne*. Vol. 217. Helsinki, 1993. 97 с.
4. Миннихметова Т. Г. Цикличность времени и пространства в традиционных представлениях закамских удмуртов // Взаимодействие культур народов Урала. Сб. статей. Уфа: Гилем, 1999. С. 101–108.
5. Миннихметова Татьяна. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 2003. 257 с.
6. Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001. 181 с.
7. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.
8. Христолюбова Л. С. Калык сямъёсты чакласа: Дышетскисьёслы краеведения юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 209 с.
9. Шкляев Г. К. Обряды и поверья удмуртов, связанные с жилищем // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО АН СССР, 1989. С. 28–44.
10. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография / Науч. ред., автор введения и заключения Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. 244 с.
11. Holmberg Uno. Matkakirjeitä. 7. Uhrivuorella // *Turun Sanomat*. 1911. 29/7. № 1975 (172).
12. Holmberg Uno. Matkakirjeitä. Wotjaakkien wainajainpalweluksesta // *Turun Sanomat*. 1911. 26/8. № 1999 (196).

Поступила в редакцию 21.02.2014

T. G. Minniyakhmetova

Fire in the Udmurt Regulatory and Sacral Practices

Fire is one of the principal constituents of the Udmurt ritual culture as a key, meaning-generating concept in a number of family/tribal, calendar/religious and occasional rituals. Rules regulating fire handling and its ritual use constitute a special branch of legal practices related to people's relations with the elements (including water, earth, air/wind). People's participation in fire-related rituals – lighting (birth), feeding (life), extinguishing (dying) – underlies Udmurt traditional rituals, notions and regulations.

Keywords: fire, bonfire, hearth, rite, treatment of fire and its rules.

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна,

кандидат исторических наук, доктор философии, научный сотрудник,
Институт истории и европейской этнологии Инсбрукского университета
г. Инсбрук, Австрия
E-mail: tatiana.minniyak@uibk.ac.at

Minniakhmetova Tatiana Gilniyakhmetovna,

Candidate of Sciences (History), PhD, Research Associate,
Institute of History and European Ethnology of the University of Innsbruck
Innsbruck, Austria
E-mail: tatiana.minniyak@uibk.ac.at